

—

Хотя наложница Лань так думала, но, столкнувшись со своим отцом, она, преодолев изумление, первым делом помогла ему подняться, сдерживая панику и тревогу, тихо спросила: «Отец, что случилось?»

Гу Янь вытер слёзы, взглянул на оцепенело стоявшую госпожу Цзян, которая понятия не имела, что происходит, и его лицо выражало нерешительность.

Госпожа Цзян была очень озадачена, не понимая, почему он так на неё смотрит.

Подумав, она не сделала в последнее время никаких глупостей.

Наложница Лань посмотрела сначала на госпожу Цзян, затем на Гу Яня и забеспокоилась: «Отец, матушка, у меня мало времени дома, если что-то случилось, скажите же». Если они не скажут сейчас, придворные вскоре будут торопить её обратно во дворец, и тогда не будет времени говорить.

Видя её беспокойство, госпожа Цзян невольно запаниковала: «Я не знаю». Она знала только, что Гу Янь отчаянно хотел увидеться с наложницей Лань, и когда не получал новостей о встрече, он был очень обеспокоен, плохо спал по ночам и хмурился в своём дворе от беспокойства.

Видя его постоянную озабоченность, госпожа Цзян очень переживала, но когда она спрашивала о причине, Гу Янь ничего не говорил, лишь морщился.

Госпожа Цзян всё время думала, что Гу Янь беспокоится о будущем их ветви после разделения с первой ветвью, и понятия не имела, какую смертельную ошибку он совершил, что ему потребовалась помощь наложницы Лань.

Видя, что госпожа Цзян искренне ничего не знает, наложница Лань перевела взгляд на Гу Яня, в её глазах читалось беспокойство.

В такой ситуации Гу Яню нечего было скрывать, и он рассказал о том, что держал в сердце.

Он плакал и раскаивался, произнес много горьких и сожалеющих слов. В двух словах, старый господин Гу, вероятно, был доведён им до смерти, и он до сих пор невыносимо сожалел об этом.

Наложница Лань и госпожа Цзян были ошарашены, госпожа Цзян, ослабев в ногах, безвольно

рухнула на стул.

Наложница Лань широко раскрыла глаза и пробормотала: «Как это могло случиться?» В её представлении Гу Янь очень почитал старого господина Гу, не смел даже сказать резкого слова, и в основном, если старый господин Гу говорил один, он не говорил два.

Как же он мог довести человека до смерти?

Гу Янь взглянул на наложницу Лань, потом на госпожу Цзян, его лицо было полно стыда и беспокойства: «Разве это не потому, что я выпил немного вина в тот день, и, вспомнив кое-какие неприятные вещи, высказал их старейшине...»

Наложница Лань покраснела от волнения: «Какие такие неприятные вещи стоили того, чтобы ты стал их выяснять с дедушкой?»

Гу Янь опустил голову и тихо сказал: «Я просто слышал, как люди перемывали кости...»

Раньше таких вещей тоже не было. Взять, например, их семью Гу: дочь Гу Сюаня — императрица, а его дочь — наложница Лань. Вначале все завидовали им, двум братьям, говоря, что они необыкновенно почётны.

Но постепенно все взгляды сосредоточились на Гу Сюане, потому что император ценил наследного принца Сяо Цзиня, потому что Гу Сюань был родным дедом наследного принца.

По сравнению с наложницей гарема и принцем, получившим титул князя Ли, императрица и законный наследный принц всегда будут более популярны и почитаемы.

С тех пор старый господин Гу часто напоминал Гу Яню, что нельзя подстрекать наложницу Лань и Сяо Шаня бороться за это положение.

Гу Янь на самом деле не хотел, чтобы наложница Лань за что-то боролась. Более того, если бы не воля вдовствующей императрицы, он бы вообще не думал о том, чтобы Гу Жулань вошла во дворец.

Характер его дочери был слишком мягким. Войти во дворец было мелочью, а выжить — большим делом.

Позже наложница Лань вошла во дворец, и, к счастью, под защитой вдовствующей императрицы и императрицы, она жила довольно счастливо и даже успешно родила третьего принца Сяо Шаня. По поводу появления Сяо Шаня Гу Янь и госпожа Цзян особо не задумывались, ведь над наложницей Лань и Сяо Шанем были ещё императрица и Сяо Цзинь.

Но с тех пор, казалось, все боялись, что они пойдут по неправильному пути, что они пойдут против Гу Сюаня и расколют семью Гу на две части, что императрица и наложница Лань станут врагами, и больше всего боялись, что Сяо Шань будет бороться с Сяо Цзинем за титул наследного принца.

Гу Янь всякий раз, когда думал об этом, чувствовал себя обиженным. Он ведь не хотел идти по неверному пути, почему же все должны были остерегаться его? И даже если бы у него были такие намерения, у наложницы Лань не хватило бы смелости, а у Сяо Шаня не было бы такого намерения.

Старый господин Гу, опасаясь, что он не поймёт, часто говорил ему, что император взошёл на престол по крови, и у него была психологическая травма, связанная с борьбой сыновей за трон. Пока наследный принц сам не будет глупить и не станет искать смерти, его положение не пошатнётся, и если кто-то сейчас тронет наследного принца, император не простит.

Императрица и наложница Лань обе были из семьи Гу, а Сяо Цзинь и Сяо Шань хорошо ладили. Вступление наследного принца на престол было бы хорошо для всех.

По мнению старого господина Гу, Гу Янь был не так благоразумен, как Гу Сюань, и лучше бы ему было поменьше внимания, чтобы он мог успокоиться.

Но, честно говоря, Гу Янь не был святым, и у кого нет хоть немного зависти?

Видя, как его брат Гу Сюань, благодаря отношениям с императрицей и наследным принцем, поднимается всё выше по службе и получает всё больше власти, а он сам не может проявить себя, стараясь оставаться в тени Гу Сюаня.

Видя эту ситуацию, Гу Янь время от времени чувствовал себя не в своей тарелке.

Иногда, напившись, он бормотал, что он тоже родной отец наложницы Лань, и третий принц — его родной внук, и он тоже является законным членом императорской семьи.

Старый господин Гу знал об их конфликте и старался компенсировать ему это в других областях.

Но, несмотря на все компенсации, он так и оставался мелким чиновником пятого ранга, а два его сына были отправлены служить в бедные и холодные места в качестве уездных магистратов. Гу Сюань же был высокопоставленным чиновником первого ранга, а его сын был отправлен в самую богатую провинцию Великой Чжоу, Цзяннань, став губернатором.

Всякий раз, когда дело касалось интересов, зависть неизбежно вспыхивала, и время от времени искры добавлялись к огню из-за каких-то мелочей.

Когда искр становилось слишком много, рано или поздно наступал день, когда всё загоралось.

И вот, недавно Се Чэнь вдруг получил титул графа, и в столице об этом шумели повсюду.

Слепому пожаловали титул графа, это такое редкое событие, которое, возможно, не случается и раз в сто лет.

В их поместье тоже не обошлось без бурных обсуждений.

Однако, обсуждая Се Чэня, как-то незаметно некоторые слуги начали втихаря переводить тему с Се Чэня на их семью Гу.

Они упомянули титул герцога, который носил старый господин Гу.

Они втайне говорили, что старый господин Гу уже подал прошение о передаче титула герцога старшему господину Гу. И хотя у второго господина Гу была дочь-наложница и внук-принц, как он мог сравниться с дочерью-императрицей старшего господина Гу и внуком-наследным принцем?

А кто-то тяжело вздохнул, говоря, что после смерти старого господина Гу ветвь второго господина, вероятно, уже никогда не сможет догнать ветвь старшего господина.

Один отец, но разные судьбы.

Гу Янь слышал эти слова, и у него кружилась голова.

Тогда он был одновременно возмущён и полон ненависти. В тот же день, подавленный, он выпил немного вина и, набравшись храбрости, отправился к старому господину Гу.

Неизвестно, как так вышло, что он заговорил об этом, но Гу Янь плакал, как ребёнок, говоря, что в сердце старого господина Гу был только Гу Сюань, и он был слишком предвзят.

Он не только не позволял ему занимать высокие посты, заставлял всегда ставить императрицу и наследного принца на первое место, но и не хотел даже давать ему титул.

В конце концов, он даже сказал, что старый господин Гу намеренно наблюдал за упадком его ветви, чтобы проложить путь Гу Сюаню, и что если бы его покойная мать была жива, она бы никогда так с ним не поступила.

Это так разозлило старого господина Гу, что его руки дрожали, он задыхался, а лицо побледнело.

Гу Янь, увидев, что всё плохо, испугался, протрезвел, поспешно достал из кармана старого господина Гу сердечное лекарство и дал ему выпить.

Когда старый господин Гу успокоился, он поспешно ушёл.

Кто знал, что вскоре после его ухода старый господин Гу не смог отдышаться и скончался.

В эти дни Гу Янь очень боялся. Боялся, что старый господин Гу действительно скончался из-за гнева на него, и боялся, что если об этом узнают другие, ему придётся нести клеймо отцеубийцы.

Это было тягчайшее преступление, и дети и внуки также пострадали бы.

И он не знал, не было ли это из-за его нечистой совести или из-за того, что он слишком много думал, но ему всегда казалось, что взгляд Гу Сюаня в эти дни был пронзительным, словно нож.

Сейчас Гу Янь очень раскаивался. Если бы он знал, что всё так обернётся, он бы никогда не сказал этих нелепых слов. Теперь, лишь бы старый господин Гу был жив, он был готов стать обычным простолюдином.

Гу Янь дрожащим голосом рассказал обо всём этом.

К концу он даже заплакал от страха.

Госпожа Цзян, выслушав, долго приходила в себя. Она с досадой сказала: «Как ты мог поверить этим ничтожным людям? Они шепчутся за спиной, возможно, они просто хотели намеренно посорить тебя с отцом».

Говоря это, она снова с ненавистью сказала: «Наш задний двор всегда был чистым, слуги никогда не смели свободно сплетничать о делах господ». Тут её выражение лица немного изменилось: «Слугами внутреннего двора управляет старшая невестка, не могла ли старшая невестка намеренно заставить их сказать это тебе?»

Гу Янь: «Невозможно. Сердце отца всегда было на стороне старшего брата и старшей невестки. Какая выгода старшей невестке делать такую неблагодарную работу? Ты сейчас не думай глупостей и не наговаривай зря на людей. Слуги тоже люди. На публике они, конечно, не посмеют много говорить, но в повседневной жизни они много чего видят, как же им не обсуждать это втайне? Просто в тот раз я случайно услышал, как они об этом говорили».

Госпожа Цзян подумала: «Верно». Затем она с негодованием сказала: «Теперь у тебя хоть мозги на место встали, и ты можешь всё понять, а что ты делал, когда шёл к отцу?»

Гу Янь застонал в печали: «Не говори об этом бесполезном. Скажи, что делать сейчас?»

Госпожа Цзян всегда считала, что в этом деле есть совпадение, но она также ясно понимала, что у госпожи Юнь действительно не было причин так поступать. Она также не могла предоставить доказательств, поэтому ей оставалось только отложить это дело и посмотреть на наложницу Лань.

В конце концов, результат уже был налицо, и внимание следовало сосредоточить на том, как решить эту проблему.

Гу Янь тоже посмотрел на наложницу Лань.

Находясь под их взглядами, наложница Лань чувствовала сильное давление и панику. Если старый господин Гу действительно скончался из-за гнева на Гу Яня, то что тогда делать?

Если бы это была она, даже если бы она пожаловалась старому господину Гу, она бы всё равно нашла Гу Сюаня и рассказала ему, что в заднем дворе кто-то болтает глупости.

Теперь Гу Янь, с совестью нечистой, упустил лучшее время, и говорить об этом уже бесполезно.

Наложница Лань серьёзно подумала и сказала: «Может быть, мне поговорить с императрицей...»

«Ни в коем случае!» — поспешно сказал Гу Янь. «Этот инцидент с отцом в глазах других выглядит как отцеубийство. Если императрица и наследный принц узнают, то узнает и старший брат. Они могут подумать, что мы задумали что-то неладное. Тогда разногласия со старшим братом — это мелочь, но это большая проблема, которая может навредить тебе и третьему принцу».

Госпожа Цзян также сказала: «Твой отец прав, об этом ни в коем случае нельзя никому говорить». Сказав это, она снова посмотрела на Гу Яня: «Когда ты уходил, отец был в сознании?»

Гу Янь кивнул: «Был в полном сознании, даже обругал меня и велел катиться».

Госпожа Цзян вздохнула с облегчением: «Ты, конечно, ошибся, но когда ты уходил, отец был в порядке. Как можно сказать, что это полностью твоя вина? А что, если отец разозлился не из-за твоих слов, а по другой причине?»

Гу Янь: «...Действительно, это возможно».

Но когда старый господин Гу скончался, никого рядом не было, и никто не знал, когда у него начался приступ. А что, если он упал, как только тот ушёл?

Он просто сожалел, зачем он так завидовал, и всё испортил.

Видя госпожу Цзян и Гу Яня такими, наложница Лань вдруг закрыла рот руками и заплакала, сказав: «Отец, матушка, это дочь ваша непочтительная». Если бы она была императрицей, то Гу Янь и госпожа Цзян были бы теми, кому завидовали бы другие, а другим пришлось бы шаг за шагом уступать.

Гу Янь не стал бы жаловаться старому господину Гу из-за чувства обиды, и внезапной смерти старого господина Гу не произошло бы.

Когда наложница Лань заплакала, Гу Янь и госпожа Цзян замолчали.

Все трое плакали.

—

Когда наложница Лань отдельно разговаривала с Гу Янем и госпожой Цзян, Сяо Шань и Се Чжуй кормили рыбу в павильоне над прудом в поместье Гу.

Стоило бросить в пруд пригоршню рыбьего корма, как рыбы устремлялись к нему, теснясь в огромной массе, неважно, достанется им корм или нет.

Некоторые рыбы при этом выпрыгивали из воды, испуганно пытаясь нырнуть обратно, их хвосты постоянно били по воде, и брызги иногда попадали на людей.

Се Чжуй, увидев, что Сяо Шань снова небрежно бросил в пруд пригоршню корма, сказал: «Если Ваше Высочество будет так кормить, рыбы объедятся».

Сяо Шань очнулся и посмотрел на маленькое ведёрко в руке, заметив, что на дне остался тонкий слой корма.

Он улыбнулся, поставил ведёрко и сказал: «Так много уже покормили».

Се Чжуй стряхнул остатки рыбьего корма с рук и сказал: «Мысли Вашего Высочества не о рыбе, поэтому лучше не кормить».

По своему обычному поведению, Сяо Шань, услышав это, наверняка бы ответил чем-то дразнящим.

Но, подумав, что они находятся в поместье Гу, и старый господин Гу недавно скончался, он не мог позволить себе дразнить, поэтому честно сказал: «Я только что был немного рассеян».

Се Чжуй посмотрел на него: «Ваше Высочество хочет рассказать об этом?»

Сяо Шань: «Не то чтобы не хотел рассказывать, просто немного взволнован». Глядя на этих рыб, он вдруг почувствовал, что они, принцы, похожи на этих рыб, а трон — на рыбий корм.

Рыбы отчаянно толпятся, но корма фиксированное количество.

Толкаясь, некоторые рыбы будут вытеснены из воды. Если рыба оторвалась от брошенного людьми корма, она может искать его в другом месте. Но если рыба оторвётся от воды, она умрёт.

Однако ему, этой рыбе, повезло. Вместо того чтобы толкаться здесь, лучше уплыть в другое место и найти естественную пищу.

В любом случае, он всегда будет сыт и не умрёт от голода.

Се Чжуй, увидев его выражение лица, полностью понял, о чём он думает, и тихо сказал: «Ваше Высочество широко мыслящий человек, но я думаю, что у всего есть причина и следствие. Вам не стоит слишком сильно беспокоиться».

Сяо Шань кивнул: «Верно, судьба человека предопределена небесами. Не думать, не думать, чем больше думаешь, тем сильнее болит голова. Пошли, вымоем руки, время уже подходит».

Сяо Шань был человеком своеобразным и никогда не любил, чтобы к нему кто-то подходил.

В семье Гу знали об этой его привычке, поэтому рядом с ними никого не было.

Они вдвоём вышли из павильона над водой, вымыли руки, а затем снова встретились с Гу Сюанем.

Гу Сюань был очень общительным человеком, иначе он не добился бы такого успеха при дворе.

Он знал характер Сяо Шаня, поэтому заговорил с Се Чжуем о повседневных делах.

Они недолго беседовали, когда пришло время наложнице Лань возвращаться во дворец.

Сяо Шань и Се Чжуй также уехали вместе с экипажем наложницы Лань.

После ухода наложницы Лань, госпожа Юнь была немного озадачена. Старая госпожа Ань всегда хотела найти в столице подходящих людей для брака своих детей. Наложница Лань приехала, и хотя старая госпожа Ань была больна, она не позволила младшим из семьи Ань показаться перед наложницей Лань. Это было очень странно.

Старая служанка рядом с госпожой Юнь улыбнулась: «Что тут странного? С вами, госпожой, тетушке не о чем беспокоиться».

Госпожа Юнь взяла чашку чая, отпила глоток и взглянула на неё: «Что ты такое говоришь?»

Однако она не опровергла эти слова.

Сяо Шань проводил наложницу Лань обратно во дворец.

Он видел, как наложница Лань часто задумывалась, и не удержался, спросил: «Матушка-наложница, что с вами? Что-то случилось у деда и бабушки?»

Наложница Лань покачала головой: «Ничего особенного, просто я так давно не была дома, и когда снова вернулась, мне показалось, что все пейзажи вроде бы те же, но всё же чем-то отличаются. Подумав об этом, я очень расстроилась».

Сяо Шань, видя её обычное выражение лица, не придавал этому значения.

Утешив наложницу Лань несколько раз, Сяо Шань покинул дворец.

Когда он вышел из дворца, наложница Лань зарылась в одеяло. Думая о Гу Яне и госпоже Цзян, она чувствовала себя настолько плохо, что едва могла дышать, хотя они её и не винули.

—

В эти дни столица, казалось, была очень оживленной.

Новость о смерти старого господина Гу ещё не утихла, как столица была взбудоражена докладом, присланным из Цзяннани.

Доклад был отправлен в столицу магистратом уезда Суань, находящегося в провинции Лянчжоу, Ван Синем. В докладе говорилось, что губернатор Лянчжоу Лю Цзинсюань занимался взяточничеством и произвольными убийствами.

Люди Ван Синя передали доклад старшему принцу Сяо Жуну.

Потому что упомянутый в докладе Лю Цзинсюань был родным старшим братом супруги наследного принца Лю Цзинъи.

Более того, Ван Синь в докладе со слезами и кровью жаловался, что Лю Цзинсюань, опасаясь утечки информации, преследовал посланника на всём пути.

Его письмо также было доставлено в столицу с крайней осторожностью, и ему оставалось только ждать, доживёт ли он до того, как император отправит своих чиновников для расследования этого дела.

Сяо Жун, увидев этот доклад, сменил свой обычный унылый вид на возбуждённый. Он прямо пошёл во дворец и передал доклад императору.

На этот раз Сяо Жун даже заговорил по-другому, сказав императору с беспокойством: «Отец-император, то, что сказал господин Ван, имеет огромное значение, и ваш сын не смеет скрывать».

Император, увидев окровавленный доклад, тут же разгневался.

Он немедленно приказал вызвать Сяо Цзиня, а затем бросил доклад ему в лицо.

Сяо Цзинь опустился на колени, взял доклад и, прочитав его, изменился в лице. Затем он серьёзно сказал: «Отец-император, если это правда, то вы должны немедленно отправить чиновника в Лянчжоу, чтобы тщательно расследовать это. Если это ложь, вы также должны отправить людей, чтобы выяснить, кто стоит за этим ложным обвинением. Лю Цзинсюань — брат Тайцзы Фэй, и по этому делу ваш сын просит отвода».

Император, услышав его слова, немного смягчил своё некрасивое выражение лица и сказал: «По твоему мнению, кого следует отправить?»

Сяо Цзинь: «Ваш сын не смеет говорить поспешно, но считает, что все, кто имеет родственные связи с семьёй Лю, должны быть исключены».

Сяо Жун воспользовался случаем и сказал: «Отец-император, этот Лю Цзинсюань, в конце концов, брат Тайцзы Фэй, его статус необычен, и обычный человек, вероятно, не сможет его обуздать. Отец-император должен послать человека высокого ранга».

Он очень хотел прямо сказать: «Пусть я пойду».

Но он не смел, мог только так предложить.

Сяо Цзинь с невозмутимым лицом стоял на коленях, казалось, совершенно не обращая

внимания на намёки Сяо Жуна.

Император взглянул на Сяо Жуна, в глазах которого не скрывалась злорадство, а затем на спокойное выражение лица Сяо Цзиня.

Затем он посмотрел на Чан Лэ и глубоким голосом сказал: «Иди и найди мне Сяо Шаня».

Лицо Сяо Жуна застыло, и он почувствовал некоторое разочарование.

В такой момент император думал не о нём, а о Сяо Шане. Разве это не было фаворитизмом?

Сяо Цзинь, стоявший на коленях, тайно вздохнул с облегчением.

Если бы император послал Сяо Жуна, Сяо Цзинь был бы уверен, что Сяо Жун заставил бы Лю Цзинсюаня признаться в совершённых преступлениях, а те, что он не совершал, Сяо Жун также приписал бы ему, воспользовавшись случаем.

К счастью, хотя император был разгневан, он, вероятно, сомневался в деле Лю Цзинсюаня.

Вызов Сяо Шаня означал, что ещё есть надежда, и что император не разочаровался в нём, как в наследном принце.

Сяо Шань быстро пришёл.

Император попросил его посмотреть доклад, и он посмотрел. Прочитав, император спросил: «Наследный принц сказал, что все, кто имеет родственные связи, должны быть полностью исключены. Твой старший брат сказал, что нужно послать человека высокого ранга. Как ты думаешь, кого следует послать?»

«Кого угодно, только не старшего брата», — без раздумий сказал Сяо Шань.

Император ничего не сказал, Сяо Жун не выдержал и гневно спросил: «Третий брат, что ты имеешь в виду? Ты что, говоришь перед отцом-императором, что я буду несправедлив?»

Сяо Шань поднял глаза, его лицо было полно изумления: «Старший брат, как ты можешь так говорить о себе? Я имею в виду, что этот Лю Цзин... Лю Цзинсюань, верно? Он родной брат второй невестки, а ты родной брат второго брата. Округляя, ты тоже его родственник. Разве ты, как родственник, не должен избегать этого?»

Сяо Жун: «...»

Император двинул бровями, с полуулыбкой сказал: «Тогда, значит, и ты являешься родственником и не можешь пойти?»

Это был вопрос жизни и смерти, на который трудно было ответить.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282518>